

Линь Цэ закончил говорить, и Нин Юэчжи разразился хохотом.

Он был евнухом, прошедшим через обряд оскотления, поэтому его голос не обладал ни низким тембром, ни глубиной, свойственными обычным взрослым мужчинам. Однако легкая хрипотца лишала его голос пронзительной визгливости, придавая ему даже некое юношеское звучание.

Слушать Нин Юэчжи было не так уж неприятно, но интонации вызвали крайний дискомфорт: в них сквозила холодная, змеиная ядовитость, от которой по коже пробежал холодок, а в ушах отдавались зловещая жестокость и коварство.

— С самого детства я рос во дворце и, без ложной скромности, могу сказать, что мое слово имеет вес перед вдовствующей императрицей и Его Величеством, — он действительно не стал скромничать, намеренно имитируя дружеские отношения. — Генерал и вдовствующая императрица уже достигли согласия, отныне мы все — приближенные государя, и наши узы неразрывны. Обращаться к вам генерал или господин — значит проявлять излишнюю холодность.

— Мы с генералом почти ровесники, разница всего в несколько месяцев. Почему бы нам не называть друг друга по вторым именам? Зовите меня Юэчжи.

— А я, с вашего позволения, в частных беседах буду обращаться к вам по вашему второму имени.

Уголки его губ поползли вверх, и он произнес по слогам:

— Цзи-юй.

— Слышал, что в день вашего совершеннолетия сам император Сюаньу лично проводил для вас церемонию возложения головного убора и даровал это имя, взяв его из строки: «Взмахнуть длинным кнутом и править Поднебесной». Столь великая милость Его Величества вызывает у чиновников лишь зависть.

Зрачки Линь Цэ сузились, взгляд стал острым, как лезвие, а от него самого повеяло ледяным холодом.

То, что император Сюаньу лично возложил на него головной убор и даровал имя, было известно всему миру и не являлось тайной. Однако, когда об этом говорили другие, в их словах слышалось восхищение, а из уст Нин Юэчжи это прозвучало с невыразимой, ядовитой иронией.

Будто не замечая охватившего Линь Цэ раздражения, Нин Юэчжи улыбнулся еще шире:

— Цзи-юй, вы нездоровы, и вдовствующая императрица направила меня навестить вас. И не только потому, что я ее доверенное лицо, но и потому, что я немного разбираюсь в медицине.

— Императрица велела мне проверить ваш пульс...

— Разве подобает такому, как ты, евнуху, называть меня по имени?

Нин Юэчжи намеренно набивался в друзья, и лицо Линь Цэ стало холодным, как лед. Его облик, скрытый под маской демона-цилиндра, казался воплощением карающего божества, от одного взгляда на которое сердце начинало биться в страхе.

Получив в лицо оскорбление «евнух», Нин Юэчжи на мгновение застыл, а его зловещая улыбка дрогнула. Однако уже через секунду он вновь обрел невозмутимость и, по-прежнему улыбаясь, произнес:

— Такова воля императрицы, мне необходимо проверить ваш пульс.

— И императрица, и Его Высочество Хуай-ван беспокоятся о вашем состоянии. Если я не выясню, в чем дело, мне не с чем будет вернуться.

— А если я прикажу тебе уйти?

Едва Линь Цэ договорил, стоявшая рядом Чжунюэ наполовину вытянула меч из ножен. Если Нин Юэчжи продолжит упорствовать, она исполнит долг стража и выставит его силой.

Улыбка Нин Юэчжи не дрогнула:

— Я лишь исполняю приказ. Надеюсь, генерал проявит милосердие и не станет усложнять жизнь простому слуге.

Он стоял неподвижно, выпрямив спину, и даже не думал уходить. Линь Цэ, полулежавший на кровати, поднял взгляд, и теперь уже он оказался тем, на кого смотрели сверху вниз.

Атмосфера в комнате мгновенно сковалась льдом, воздух наэлектризовался, словно перед схваткой.

Сунь Юдэ, боясь, что дело плохо кончится, шагнул вперед, намереваясь примирить их. Но прежде чем он успел открыть рот, Линь Цэ с холодным смешком вытянул руку из-под одеяла.

Получив разрешение генерала, Нин Юэчжи растянул губы в едва заметной злой усмешке, без всякого стеснения сел на край кровати и прижал пальцы к запястью Линь Цэ.

Линь Цэ позволил ему прощупать пульс, а спустя мгновение с издевкой спросил:

— Ну как? Удалось выяснить результат?

Нин Юэчжи поднялся и принялся демонстративно поправлять рукава:

— Пульс генерала слаб, болезнь, по-видимому, вызвана истощением организма.

— Вы много лет провели на полях сражений, должно быть, получили серьезные раны, что подорвало ваше здоровье. Теперь, вернувшись в Столицу, вы как раз сможете оставить тяжелые военные дела и как следует отдохнуть.

— Я немедленно вернусь во дворец и доложу вдовствующей императрице и Хуай-вану, чтобы они выделили лучшие лекарства для вашего укрепления.

— Раз генерал болен и не рад моему присутствию, я не стану здесь задерживаться.

Нин Юэчжи отвесил поклон и, высоко подняв подбородок, удалился.

Как только он вышел, Чжуюэ высунула язык и бросила вдогонку: «Противный женоподобный евнух!», даже не заботясь о том, что тот может услышать. Осознав, что ляпнула лишнее, она тут же извинилась перед Сунь Юдэ:

— Я не о тебе, ты, пожалуйста, не принимай на свой счет!

Сунь Юдэ всегда был невозмутим, и Чжуюэ никогда не видела его в гневе. И сейчас, сохраняя свой привычный рассудительный вид, он обратился к Линь Цэ:

— Генерал, сейчас мы в одной лодке с вдовствующей императрицей и Хуай-ваном, нам следует держаться вместе. Если между нами возникнет разлад, мы не сможем противостоять внешним врагам.

Генерал Линь с первой же встречи оскорбил Чжоу Цзэи, а сегодня едва не рассорился с Нин Юэчжи. В такой ситуации казалось, что они не союзники, а противники. Если нет согласия ни в делах, ни в сердцах, как они смогут помочь Чжоу Цзэи взойти на престол?

Линь Цэ с безразличной усмешкой ответил:

— Я дал слово вдовствующей императрице Дун, но никогда не обещал, что не нарушу его. Если найдется кандидат получше...

Сунь Юдэ слегка нахмурился:

— Но Хуай-ван — родной племянник императора Сюаньу. Его Величество говорил мне, что чувствует вину перед маленьким наследником...

— Я знаю, — холодно отрезал Линь Цэ. — Сюаньу сам подумывал передать трон Чжоу Цзэи.

Император Сюаньу, верный долгу, приказал казнить собственную старшую сестру и ее мужа. Хотя Великая княгиня Аньпин и предала интересы государства, она все же оставалась его родной кровью. Лишить двенадцатилетнего племянника родителей, а затем долгие годы держать его под домашним арестом — император Сюаньу всегда носил это бремя в сердце. Если он и хотел что-то сделать, чтобы искупить вину, так это передать трон племяннику, чтобы исполнить последнее желание сестры.

— Я уже говорил: если у Чжоу Цзэи есть способности, я признаю его императором. Но если он ни на что не годен...

— Птица выбирает дерево, на котором ей сидеть, и я не стану цепляться за гнилую ветку.

— К тому же, — Линь Цэ холодно усмехнулся, — разве мало было случаев, когда после гибели зайца варили гончую, а когда птицы заканчивались — прятали лук?

— Помогая Чжоу Цзэи взойти на трон, я должен думать и о себе. Как я могу спокойно помогать ему, не имея на руках козырей, которые обеспечат мне безопасный отход после завершения дела?

— Я что, по-твоему, дурак?

Говоря это, он засунул руку за пазуху, достал маленький черный магнитный шарик и бросил его Чжуюэ:

— Эта штука весьма полезна.

Если зажать ее под мышкой и совместить с техникой дыхания, это позволяет сделать пульс слабым и неровным, имитируя глубокое истощение организма, что сбивает с толку почти любого врача.

Чжуюэ поймала шарик:

— Интересно, удалось ли обмануть того противного евнуха?

Линь Цэ хмыкнул:

— Да какая разница. Нин Юэчжи хотел проверить мою истинную силу, а я решил проверить, на что способен он. Хотя мы и в одной лодке, я должен знать их подноготную.

Сунь Юдэ, не любивший интриг, молчал, но когда генерал спросил его мнение о Нин Юэчжи, ответил прямо:

— Этот человек коварен и злопамятен, в будущем с ним нужно быть крайне осторожным.

Чжуюэ же на вопрос о Нин Юэчжи лишь заметила:

— Этот противный евнух... он выглядит слишком...

Она задумалась, пытаясь подобрать слово, и в конце концов выдала:

— Слишком женственно.

Позавчера она видела Чжоу Цзэи и удивилась тому, насколько красивым может быть мужчина, а сегодня ее поразил евнух. Нин Юэчжи тоже обладал женоподобной внешностью, а его утонченные черты лица превосходили красоту многих женщин.

Великая княгиня Аньпин когда-то была первой красавицей Наньчжао, и Чжоу Цзэи пошел в мать. Его черты были изящны, а глаза — манящими, как у персикового цвета, с вечно влажным, полным чувственности блеском.

А Нин Юэчжи, хоть и был чем-то неуловимо похож на Чжоу Цзэи, вызывал лишь трепет. Стоило ему бросить взгляд, как становилось не по себе, будто тебя пристально разглядывает живая и хладнокровная ядовитая змея, от чего по спине бежали мурашки.

Сунь Юдэ добавил:

— Нин Юэчжи одного возраста с Хуай-ваном, они похожи телосложением. Императрица с детства держала его при себе и тщательно готовила, боюсь, она давно планировала сделать его теньвым стражем Хуай-вана.

Теньвой страж, похожий на своего господина, в нужный момент может подменить его, чтобы сбить врагов с толку.

Чжуюэ кивнула:

— У Нин Юэчжи ровное дыхание и крепкое тело, он мастер боевых искусств.

Сунь Юдэ вздохнул:

— Его методы жестоки, но он — великолепный острый клинок. Император Сюаньэ также часто поручал ему многие дела.

Нин Юэчжи — клинок, выкованный вдовствующей императрицей Дун. Обладая выдающимися способностями, он в столь юном возрасте стал самым влиятельным евнухом при дворе. Чтобы посадить на трон Чжоу Цзэи, потомка опального чиновника, у которого нет поддержки в правительстве, ей необходим такой помощник. Но для генерала Линя эта ядовитая змея — палка о двух концах.

Теплые солнечные лучи пробивались сквозь широко распахнутые двери дворца Чаннин, заливая главный зал столбами золотого света. В освещенных местах веял мягкий ветерок, но в северных углах, куда не доставало солнце, царил мрак. Свет и тьма словно были насильно соединены, образуя резкую и четкую границу.

Чжоу Цзэи стоял, заложив руки за спину, и слушал доклад Нин Юэчжи о визите в резиденцию генерала.

— Я полагал, что Линь Цэ затаил обиду, поэтому притворился больным и не желает служить Вашему Высочеству.

Чжоу Цзэи ответил равнодушно:

— А разве не так? Линь Цэ действительно недоволен мной. Он не собирается помогать искренне, поэтому, разумеется, будет искать предлоги, чтобы затянуть дело.

Чжоу Цзэи десять лет провел под домашним арестом в просторном поместье Увековечивающего Государство Хоу, имея лишь одного слугу. Большую часть времени он проводил в одиночестве среди запустения и упадка, и ему некому было излить свою скорбь. Юноша, с подростковых лет запертый в заброшенном особняке, поросшем сорняками, сам научился не выдавать своих чувств. Его невозмутимость была не столько проявлением спокойствия, сколько следствием безысходности. Лишь подавляя свои эмоции и переживания, он мог в одиночку пережить долгие десять лет холодных ночей.

Посторонним было трудно заметить перемены в настроении Чжоу Цзэи, но природа одарила его глазами, похожими на влажные лепестки персикового цвета — даже при полном равнодушии в них читалась глубокая печаль и затаенная обида. Стоило ему бросить такой взгляд, как даже лед и камень могли растаять. Великая княгиня Аньпин в свое время была несравненной красавицей, и многие чиновники и полководцы готовы были пасть к ее ногам, называя ее роковой красавицей, погубившей государство. Чжоу Цзэи унаследовал ее ослепительную внешность, лишь с той разницей, что родился мужчиной.

— Линь Цэ лежал в постели и действительно выглядел так, будто притворяется больным, чтобы показать свое недовольство, — Нин Юэчжи медленно растянул губы в улыбке. — Но я лично проверил его пульс и обнаружил некоторые противоречия и странности.

Чжоу Цзэи проявил любопытство:

— Рассказывай.

<http://bllate.org/book/20257/2020361>